

Юлия Хансен
(Тимошкова)

ХАМЕЛЕОН

РА-КК

Юлия Хансен
Хамелеон Ра-кк

«Автор»

2026

Хансен Ю.

Хамелеон Ра-кк / Ю. Хансен — «Автор», 2026

Этот рассказ был написан в 2017 году для конкурса "Новая Фантастика" еще под девичьей фамилией Тимошкова. На Землю прилетают корабли расы Хамелеонов. Они находятся в поисках новой планеты для жизни, так как их мир был уничтожен в результате глобальной катастрофы. В поисках необходимой энергии они выдают себя за других, чтобы расположить к себе землян. Все человечество одурачено, кроме одного мальчика с расстройством аутистического спектра. Данила единственный, кто видит правду такой, какая она есть на самом деле. Но ему, конечно же, никто не верит.

© Хансен Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Хамелеон Ра-кк

Глава

Фиолетовый, зеленый, желтый, розовый, бирюзовый, красный. Фиолетовый, зеленый, желтый, розовый, бирюзовый, красный Так должно быть. Нельзя, чтобы красный, а потом желтый. Это смешно, просто смешно. Мама хохочет от телевизора. Люди с красными лицами раскрывают рты и показывают зубы. Это называется юмористическая передача. Я не понимаю. Они говорят, что у меня нет чувства юмора. Мама объясняет, что есть. Только другое. Мама говорит, меня нужно просто понять. Я тоже хочу понять. Но не могу. Кажется, иногда лучше просто молчать, чтобы тебя не считали странным.

Когда юмор в телевизоре – это не смешно. Но если после красного желтый или голубой с белым! Только представьте себе: голубой, а потом белый! Вот где – обхохочешься! Мама говорит, что у меня другое чувство юмора, и нужно просто понять. Почему тогда она ударила по щеке, когда я засмеялся над братом? Сами вырядили его в голубые джинсы и белую рубашку. Смешно! Таким он и лежал в гробу. А сверху еще – отвратительно вонючие лилии. Вот где нелепость. Все были печальны и плакали. Никто не понимал, что так неправильно. Просто умора: голубой и белый. И лилии. Вонь. Если голубой, то потом красный. Если белый, то потом черный. Я засмеялся. И не мог остановиться. Они смотрели на меня. Они хотели плакать. Почему? Брат улетел к звездам. Теперь он и сам понял бы меня. Голубые джинсы и белая рубашка! Ха-ха-ха!

Тогда я еще не знал, что лучше молчать. Вовсе ничего не говорить, чтобы они не посчитали тебя дураком. По-моему, сами они дураки. Тогда я еще пытался понять. Чувствовать исходящие от людей цвета печали и гнева: фиолетовый, черный, бордо. От тети, которая сестра моей мамы, текли темно-синие искрящиеся волны. Океан перед бурей. Она любит меня, потому что я племянник. Только маме говорит: «Лика, тебе лучше отдать Данилку в детский дом. И ему так будет лучше. Там врачи. И ты начнешь жить, как человек!»

Я сильно-сильно пытался понять почему они плачут и не хотят видеть смешного! Они же не рыдают, когда братья или мужья уходят на работу? Почему не одевают детей в голубое с белым ночью, когда мы спим и улетаем к звездам, только ненадолго? Я пытался их почувствовать, и напряженно сканировал каждого. Нюхал вонь лилий, смешанную с благодным запахом расплавленного воска. Темные волны печали багровели, краснели, делались раскаленными и очень опасными. Огни церковных свечей жгли сетчатку глаз. Шепот родственников звенел в воздухе, как грозное гromыхание хвоста гремучей змеи. Их глаза хищно проникали в самое сердце, словно хотели вывернуть его наизнанку. Зачем? Я снова ничего не понимал. Уже совсем ничего. Мне больше не было смешно, но хохот жил сам по себе и не мог остановиться. Звуки, запахи, взгляды – этого стало слишком много. Это переполняло меня. Я чувствовал кожей, что еще чуть-чуть и будет через край. Тот мужчина, который мой отец, зарыдал, как маленький, и стал совсем красный лицом. Мама подбежала и ударила. Больно. Зачем? Уже совсем не смешно. Глупо. Непонятно. Бессмысленно. Обидно. Мама громко завизжала и ударила еще раз. Вот это было через край. Больше мне не справиться. Не хочу слышать. Не хочу видеть и больше не хочу понять. Я тоже заплакал и бил своей головой о пол, чтобы она не взорвалась. Чтобы выколотить оттуда боль от всех звуков, запахов и красок, которых для меня слишком много. Не хочу больше понимать. Не могу. Это невозможно. Лучше буду молчать. Просто рисовать – фиолетовый, зеленый, желтый, розовый, бирюзовый, красный. Фиолетовый, зеленый, желтый, розовый, бирюзовый, красный Так должно быть

Ли́ка сидела перед телевизором и срезала ярлычки с новых футболок. Как удачно: она купила натуральные, хлопковые. Сейчас это большая редкость. А сын не может носить синтетику. Чувствует, если в материале есть даже небольшая примесь. Что поделать? Слишком чувствительная кожа. Даже если шов сделан прочной нитью из полиэстера – он будет колоть и беспокоить. Данилка не станет носить. Будет сдергивать с себя одежду и кричать: «Мешает! Мешает!».

Сестра всегда убеждала Ли́ку, что она просто избаловала старшего ребенка из-за его болезни. Говорила, что Дане нужно прописать хорошего ремня, а не специальную диету. Тогда бы и разговаривать начал нормально, а не строил из себя придурочного. Ей просто не понять. Никому не понять. А объяснять слишком утомительно. Поэтому женщина, которая в молодости была веселушкой и любительницей шумных компаний, теперь предпочла жить в уединении. И общалась с узким кругом людей: родителей детей с похожим диагнозом. Таких и в большом городе не слишком много, что говорить о маленьком поселке, в котором Данилкин был единственным в своем роде. Поэтому все настоящие подруги: те, кто мог понять и поддержать, присутствовали лишь виртуально и обитали на интернет-форумах.

Жила Ли́ка вдвоем с сыном в небольшом домике. Раньше, когда-то давно, в другой жизни, у нее была большая семья: муж и двое сыновей, погодки: Данилка и Ромашка. Старший – беспокойный, плаксивый, не спящий ночами. И младший – идеальный младенец. Рома хорошо ел, крепко спал по ночам, в 10 месяцев пошел, в год заговорил. Данилка же напротив: все время молчал, лежал в кроватке и рассматривал свои пальчики. А то вдруг, ни с того ни с сего, начинал так сильно плакать и кричать, что никто не мог его успокоить. Сестра Светка, которая помогала заниматься с племянниками, авторитетно заявляла: «Дети, они через одного идут. Один спокойный, а другой – шепутной. Ничего, с возрастом выправятся. Только к рукам их не приучай – а то бедная будешь. Замучают!»

Ли́ка и так уставала сверх меры. Муж постоянно на работе, а на ней пацаны и хозяйство. Какое ни какое, а огород да курицы-несушки. Хватало забот. Поэтому так поздно и хватились. Забили тревогу, лишь когда Дане исполнилось четыре. Ромашка, папин любимчик, уже всюю болтал, а его брат больше помалкивал. Знай себе сидит тихонько в уголке, раскладывает в ряд фломастеры из коробки. Да не как попало, а в строгом порядке: фиолетовый, зеленый, желтый, розовый

А потом началось: педиатр отправил к логопеду, логопед к психологу, психолог к психиатру. Диагноз. Муж не верил, ругался на врачей. Ли́ка плакала. Водили к другому, третьему. Продали машину, повезли обследовать в Москву. Известный профессор-психиатр, светило – интеллигент с чеховской бородкой, в легких очках, на вид и сам вроде как с небольшой придурью – подтвердил диагноз, словно подписав окончательный приговор. С тех пор, как Данилка заболел, Ромку совсем забросили. Он жил то у тети Светы, то у бабушки. Ли́ка до сих пор винила только себя, что не доглядела. Не заметила, как выбежал младшенький за забор. А тут на беду как раз машина Верно говорят, что горе либо объединяет людей, либо вовсе разводит. Муж ушел в себя. На работе пропадал днем и ночью. Начал выпивать. А потом и вовсе уехал в Москву, будто бы на заработки, да так и пропал. Объявился лишь, чтобы подать заявление на развод. У него теперь новая семья и дочка вот-вот должна родиться.

В который раз женщина привычно прокручивала в голове события своей нелегкой жизни. Раньше это было невыносимо больно, теперь в выгоревшей пустыне души осталась лишь одна ноющая и пульсирующая рана. С ней предстояло жить до конца отпущенного на земле срока. Мать никогда не смирится со смертью ребенка. Всегда будет мучать себя бесплодными мыслями: «а если бы а что было бы». Так и Ли́ка не смогла принять, что ее Ромашки, обычного (она не любила слова «нормального», которое словно очерняло, обесценивало другого сына) ребенка больше нет на свете. Это казалось неправильным. Нелепой ошибкой. «Так не должно

было быть» - все время повторяла себе женщина, в который раз спотыкаясь в воспоминаниях о невозможные, ранящие сознание события.

Лица аккуратно и неторопливо срезала бритвой ярлычок. Потерла швом о нежную кожу запястья, прислушалась к ощущениям. Нормально. Данилке должно быть понравится. Футболки получились словно по заказу, любимых цветов: фиолетовая, зеленая, желтая и бирюзовая. Розовую и красную она не стала покупать. Розовый – девчачий, а от красного Даня становится беспокойным.

Погруженная в свои мысли, она совершенно не заметила сына, который неслышно подошел и молча взял за руку холодными пальцами. Лица дернулась, вскрикнув от неожиданности.

- Ой, Данилкин! Как ты меня напугал! Еще не спишь? Надо ложиться, сынок. Уже поздно!

Лица взглядела в лицо сына: мальчик был взволнован или напуган. Он нервно поглаживал себя левой рукой по скуле, рядом с глазом. Он всегда делал так, чтобы успокоиться. Другой нетерпеливо хватал руку матери, чтобы увести за собой.

- Пойдем, мама. Там звезды, звезды Звезды летят. Много. Это не нужно, не нужно нам!

- Даня, успокойся. Все хорошо. Это снова просто сон. Ну? Пойдем же, пойдем

Лица попыталась обнять сына, но он отстранился, не прекращая настойчиво тянуть ее за собой. По старенькой скрипящей деревянной лестнице они поднялись на второй этаж, где находилась лишь одна комната, Данилкина спальня. Маленькая, уютная мансарда с пологими то ли стенами, то ли потолком. В них были круглые окна-иллюминаторы, через которые по ночам заглядывало черное звездное небо. От того казалось, что ты находишься не под крышей ветхого домишки в богом забытой провинции, а в кабине космического корабля. Сегодня же они были наглухо закрыты ставнями, и комната, освещенная лишь настольной лампой, ничем не отличалась от любого другого жилища.

Даня волновался так сильно, что словно снова стал маленьким. Лица с тревогой смотрела на лицо сына, на котором нервно подергивались мимические мышцы. Попыталась заглянуть в серые, вечно опущенные вниз глаза, которые сейчас растерянно бегали по столу с разложенными в привычном порядке фломастерами. Это безусловно успокаивало. Но мать видела, что мальчик с трудом сдерживается, чтобы не соскользнуть в истерику от переполнявших его неведомых, непонятных и пугающих чувств.

Как в детстве, он взял Лицину руку и поднес к толстому фиолетовому маркеру. Та послушно взяла его и сняла колпачок. Подросток сжал мамину кисть с фломастером и нарисовал, как можно аккуратнее, линию. Сверху вниз. Полоска, а внизу звездочка. Затем он подтолкнул ее к следующему маркеру. Зеленый.

Даня успокаивался. Он словно бы разделил с мамой непосильную для детского ума ношу.

«звезды. Звезды идут к нам. Не убежать. Фиолетовый, зеленый. Неправильные звезды желтый, розовый, бирюзовый...»

Напряжение и страх мальчика словно по проводам передавались из тощей веснушчатой подростковой руки в мамину женственную, мягкую ладонь. Фломастеры скрипели по ватману, стонали от сильного нажима. Лику наполнял неведомый древний ужас, страх перед чем-то чудовищным, неизвестным. В одну секунду все рухнуло, обесценилось. Данилка будто отброшен в развитии на десять лет назад. Словно и не было изнуряющих, монотонных, сводящих ее с ума развивающих занятий. Она была так довольна результатами! Гордилась, что сын научился выражать себя и свои чувства, понимать других людей, стал разговаривать «почти как нормальный». Да, черт побери, как нормальный, хоть она и лицемерно отвергала обидное слово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.